

Мастер-класс по каллиграфии: и снова ХЭН

Ши Ньяо

Это был один из тех редких летних дней, когда на небе сгустились тучи, из которых время от времени лил теплый дождь, разгоняя дневную жару и питая пересохшую землю. Ньяо ждал учеников в зале для занятий в боковом помещении храма. Было спокойное послеобеденное время, когда интеллектуальные занятия кажутся более приятными, чем физические.

В зале были расставлены ящики с песком, на краю которых лежали деревянные палочки. У каждого ящика на полу была постелена циновка. Перед Ньяо также стоял ящик с песком, чтобы показывать упражнение ученикам в тех же условиях, в которых они будут находиться.

- Добрый день, - мастер вежливо поклонился собравшимся ученикам. - Сегодняшнее упражнение покажется очень простым, но на самом деле оно одно из самых сложных в каллиграфии. Справившись с ним, вы можете считать, что уже достигли определенного уровня в мастерстве красивого письма. Вам нужно нарисовать сто одинаковых элементов хэн.

Ши Ньяо взял палочку и начал рисовать на песке одинаковые горизонтальные черты. Они были довольно короткими, а движение руки было легким и уверенным, но мастер не торопился.

- Хэн - это горизонтальная черта. Как цифра один. Кисть касается бумаги движением влево и вниз, затем легко перемещается вправо и чуть заметно вверх, но отрывается снова движением влево и вниз. Черта рисуется с той скоростью, с которой дождевая капля стекает по стеклу. Спина ровная, локоть и запястье расслаблены, рука держит кисть вертикально за середину. Можете следить за дыханием: палочка касается песка на выдохе, а отрывается от него на вдохе. Освободите мысли, откройте разум. Не запрещайте себе думать и чувствовать, но просто наблюдайте за своими мыслями и эмоциями не цепляясь за них и не развивая их. Пусть ваш разум станет зеркалом, в котором отражается то, что проплывает мимо, но никак не затрагивает сути самого зеркала. Не думайте слишком много о хэн, это всего лишь горизонтальная черта. Её сложно сто раз нарисовать одинаково лишь потому, что очень сложно не думать о ней слишком много. Приступайте.

Занятие закончится в ночь на 19.02. Приглашаются все желающие с уровнем навыка каллиграфии от нуля до послушника. Игровое время - лето, 16 часов.

Юншэн Лю

Если бы год назад кто-то сказал бы Юншэну, что он добровольно явится на мастер-класс по китайской каллиграфии, он бы удивился. Или даже послал бы автора идеи предельно вежливо, мол а мандалу мне шелком не вышить? Но сейчас Юншэн был

рад учиться чему угодно, лишь бы занять время и мысли. Поэтому он первым пришел на занятие, вежливо поклонился старшему мастеру и занял свое место у одного из ящиков с песком.

Юншэн знал основы каллиграфии и ту же хэн представлял, как писать. Но все равно выслушал указания мастера, и ему понравилось то, что сифу Ньяо говорил о зеркале и мыслях. Юншэн взял палочку за середину и стал выписывать горизонтальные. Они были не совсем одинаковыми. Ладно, они были совсем не одинаковыми, хоть и вроде как написанными правильно. Юншэн сначала пытался отгонять из головы все лишние мысли, но они лишь назойливее лезли обратно, а упражнение получалось все хуже. Пришлось остановиться и перевести дыхание.

За окном лил дождь. Он стучал по стеклу, и капли скатывались одна за другой на подоконник. Юншэн допустил эту мысль, не развивая, и позволил ей уйти, подобно тому, как одни капли скатываются, чтобы уступить место другим. Юншэн стал медленно писать горизонтальные черты, которые на этот раз получались ровнее и более похожими.

Мысли, разумеется, снова и снова возвращались к Янлин. Она снова была далеко, и снова было неизвестно, когда они встретятся. Юншэн постоянно думал о ней. Вспоминал то, о чем они говорили, вспоминал запах её волос, вкус её поцелуев, жар её тела. Хэн поползли во все стороны, но Юншэн не стал отгонять пришедшие в голову мысли. Он позволил себе думать и вспоминать, просто не увлекаясь этими мыслями. Он их пускал в сознание, понимал и отпускал вновь. Это было сложно, но постепенно начало получаться.

Юншэн разровнял песок и начал упражнение снова. Если мысли о Янлин было сложно отпускать, то другие мысли было сложно впустить в разум, не отвлекаясь на их отрицание. Это были, например, мысли о Чуне сяншене и его людях. Но их тоже нужно было отразить в зеркале, чтобы они ушли сами. А дыхание оставалось ровным и глубоким, рука, плечо и кисть - расслабленными, и палочка плавно выводила новые горизонтальные хэн со скоростью капли дождя, стекавшей по стеклу.

Со временем черты стали все более похожими друг на друга. Рука будто писала их сама без контроля сознания. Одна, вторая, третья, десятая. Юншэн не считал, он выписывал один ряд под другим, зная, что в верхнем ряду двадцать черт. Первые пять рядов немного плясали, следующие уже почти нет. И пусть он пока не мог выписать сто подряд одинаковых хэн, десять-двадцать очень похожих вполне получались. Но лучше было то, что происходило в голове - мысли успокаивались, приходили в порядок. Юншэн находил себя в моменте здесь и сейчас, а не просто жил от одной встречи с Янлин до другой.

Это не означало, что он меньше её любил или меньше в ней нуждался. Он все также был готов многое отдать за возможность хотя бы ненадолго её увидеть. Но это чувство становилось глубже и спокойнее. Как бы взрослее. Юншэн закончил упражнение и отложил палочку. Два нижних ряда горизонтальных черт получились очень даже ничего.

Чин Ху

Чин крайне редко приходил на занятия в качестве ученика, но в этот раз решил сделать исключение, чтобы немного привести в порядок мысли. Он изредка занимался каллиграфией и не достиг в ней сколько-нибудь значимого мастерства, поэтому решил не упускать возможности посетить мастер-класс, который вел сифу Ньяо. Белый журавль и маг Воздуха, Ши Ньяо был истинным мастером не только в каллиграфии, но и в живописи. Его кисть, едва коснувшись бумаги, создавала настоящие произведения искусства, и у него было интересно учиться чему-то новому, хоть Чин и знал, что никогда не сможет понять образ мыслей Ши Ньяо.

Чин поклонился коллеге и занял место за одним из ящиков с песком. занятие было классическим: сто одинаковых хэн. Чин много раз пытался его выполнить с переменным успехом, и сейчас воспринял его как вызов. Он не мог не справиться с этим испытанием. Во-первых, как старший мастер и ученик самого Ирбиса. Во-вторых, просто гордость и честолюбие не позволяли ему не справиться перед учениками.

Секрет ста хэн был прост и сложен: нужно было привести в порядок мысли, расслабить руку и выровнять дыхание. А после этого палочка сама выписывает на песке одну горизонтальную черту за другой: чуть вниз с нажимом влево, на выдохе вправо чуть вверх, затем снова чуть вниз и влево и оторвать кисть или палочку. Короткие уверенные движения, четкие и отточенные как удары в бою. Один, пять, десять. Вот готов первый ряд, под ним второй. Не следить за временем, не оглядываться, просто черта за чертой наносить на песок ряды одинаковых хэн.

Это было приятное медитативное занятие. Прежде Чин бы злился на себя, искал бы в упражнении что-то, чего в нем не было, но сейчас он знал, что хэн - это просто хэн. Что первая, что сотая. Он быстро справился с заданием, но продолжил писать горизонтальные черты, пока было время.

Эрик Адлер

Эрик снова приехал в Линь Ян Шо, где ему нравилось отдыхать от дел компании. Он не был готов что-то проводить для учеников, потому что немного от этого отвык, да и просто в отпуске хотелось отпуска, но для разнообразия в этот раз он подумал, что стоило бы научиться у местных мастеров хоть чему-то. Он много лет здесь то жил почти постоянно, то бывал наездами, но не удосужился ни изучить боевые искусства, ни освоить что-то еще, что преподавали китайские мастера. Разве что языком овладел в совершенстве, что часто оказывалось полезным в работе с поставщиками.

В этот день Эрик решил сходить на занятие по каллиграфии, надеясь оказаться среди учеников, которые только начинают изучать этот навык. Он удивился, увидев в аудитории Чина, но поклонился Ши Ньяо и сел возле ящика с песком. Эрик посмотрел, как Лю Юншэн и Чин держали палочки и постарался взять свою так же. Затем он стал присматриваться, как именно рисовалась эта хэн.

Эрик стал рисовать на песке горизонтальные черты, которые сначала были просто полосками немного разной длины. Потом он понял саму логику движения, когда сначала палочка двигалась вниз и влево, затем рисовала черту, а затем

дорисовывала как бы запятую в конце. Пока речь не шла об одинаковых хэн, лишь о том, чтобы примерно разобраться с тем, как мастера каллиграфии держат кисть, и как должна выглядеть хэн, чтобы её узнавали.

Эрик знал китайский и, конечно, писал иероглифы от руки. Он писал и печатными буквами, и скорописью, но это не имело никакого отношения к каллиграфии как таковой. И сейчас он с нуля учился этому древнему и весьма любопытному искусству. Эрик выписывал горизонтальные черты, затем разравнивал песок и начинал упражнение снова, пока ему не начинало казаться, что хотя бы десяток этих хэн более-менее похож между собой.

Ему было любопытно это задание, и он не сожалел о потраченном на занятие времени. Эрик даже подумал, что стоило купить кисть и тушь и тренироваться дома, потому что сегодня вряд ли удастся добиться путного результата. Было интересно и то, как Ши Ньяо предлагал освободить мысли. Просто принимать их, не удерживать и отпускать. Расслабиться, дышать ровно, расслабить руку. Просто и сложно одновременно, но, если выполнять эти советы, рука начинала писать свободнее, а горизонтальные черты оказывались все более похожи друг на друга. Эрик улыбнулся, ему определенно нравилась каллиграфия, и он даже пожалел, что не обращал на неё внимания прежде.

Юэ Шэ

Юэ знала, что каллиграфия крайне полезна для мага Огня, но обычно не находила времени на занятия этим навыком. Она и сейчас не очень хотела идти, но с утра встретила в столовой сифу, и та настоятельно рекомендовала не пропускать мастер-класс сифу Ньяо. Юэ была уже взрослой и самостоятельной. Она сдала экзамен в клане, она стала младшим мастером в монастыре, но кого это волновало, когда сифу давала какое-то прямое, как летящий в цель топор, указание. Юэ лишь поклонилась наставнице с жестом почтения и произнесла обычное "да, сифу". А после обеда пришла в зал для занятий в Храме Будды.

Занятие сифу Ньяо не было оригинальным, но от этого оно не становилось легким. Сто хэн - это долго, мучительно и отличный шанс отсидеть себе все в попытках освободить мысли, расслабить руку и начертить на песке одинаковые горизонтальные линии. Юэ бесили такие задания, но сейчас она понимала, что именно поэтому сифу и загнала её на этот мастер-класс. Нужно было преодолеть себя. Успокоить мысли, которые магу Огня успокоить сложно. Отпустить тревоги и заботы, оказаться в моменте здесь и сейчас. Когда есть ты, есть палочка, песок и сто хэн. И пока ты их чертишь, все остальное должно отойти и подождать.

Поначалу хэн были довольно ровными, но немного разными, но постепенно они становились все более похожими друг на друга. Это тоже упражнение, которое ничем не отличается от бесконечной отработки ударов, контроля над пламенем, тлеющим на обрывке рисовой бумаги или лучине или медитации на какую-нибудь на первый взгляд не важную мелочь.

Юэ старалась побороть свои эмоции. Она понимала, что это упражнение ей полезно, и что без этого мастер-класса она бы вряд ли нашла время и желание, чтобы попрактиковаться в наблюдении за собственными мыслями без

вмешательства в их течение. Ближе к концу занятия она была почти довольна тем, какими выходили горизонтальные черты: если присмотреться, они были не идеально одинаковыми, но в целом очень даже похожими. Для того уровня каллиграфии, которого Юэ удалось достичь, это был очень достойный результат.

Да, сифу знала каллиграфию намного лучше. Потому что старик Хо в клане, который принимал активное участие в её обучении, заставлял её рисовать миллиарды этих хэн на песке за малейший проступок. Юэ считала, что ей повезло, что она с этим не столкнулась, а не что она упустила нечто крайне важное в своем обучении. Ей хватило оды подвигам царя Сюань-вана, чтобы понять, что наставницу лучше слушать с первой попытки.

Мэйлин Юн

Мэйлин давно сама не посещала никаких мастер-классов или занятий, особенно по магическим дисциплинам, потому что понимала, что в условиях большого города она мало что может применять так, чтобы это не заметили. Она пользовалась только врачеванием, чтобы иной раз облегчить себе работу, да и то очень нечасто. Но каллиграфия всегда ей очень нравилось - она очищала мысли, и как раз это было ей очень необходимо. Да и компания сифу Ньяо всегда настраивала на какой-то философский лад, потому что начинало казаться, что она смотрит на Конфуция или Лао-цзы, и вот-вот услышит какую-нибудь заковыристую мудрость, которую потом придется еще долго обдумывать.

- Сифу, - тепло поздоровалась Мэйлин, поклонившись мастеру. годы, определенно, наложили на него свой отпечаток, как и на всех тех, кого Мэйлин так давно не видела. Но ей было приятно вновь возвращаться в монастырь, пусть и получалось это нечасто. Она заняла один из свободных столиков с песком и взяла в руку палочку для каллиграфии сначала так, как держала бы скальпель, но потом поменяла положение руки на верное. Хэн - один, и на ум сразу же податливо прыгнуло давно позабытое "Ты знаешь считалочку про лягушек?", с которого она училась вновь владеть своей правой рукой и с которого, наверное, начинались их отношения с Вэньхуа. Мэйлин улыбнулась.

Рука не дрожала, как не дрожала всегда, когда должна была быть твердой, а песок немедленно превратился в ровное полотно человеческой кожи, на которой нужно было сто тысяч раз написать одну единственную хэн, успокаивая мысли так, как успокаивались ряды поначалу не самых красивых и ровных черточек, но постепенно, уже к концу второго ряда они стали четче, плавнее, изящнее.

За окном шел дождь, мягко заполняя тишину комнаты ненавязчивым шумом, так идеально накладывающимся на медитативное занятие, и Мэйлин уже не думала о том, чтобы хэн получались ровными и красивыми - рука работала сама по себе, как бывает, когда доводишь до автоматизма какое-то действие. Как накладываешь швы на рассеченную кожу, зная, что тело действует без твоего контроля, выучившее один алгоритм движений. Песок. Человеческое тело. Хирургия. Тонкое искусство каллиграфии на человеческой коже. Глубокий вдох, рука опускается чуть вниз, едва касаясь концом стэка ровной поверхности - идеальной кожи этого песка, чуть усилить нажим, плавно вправо быстрым горизонтальным росчерком и снова усилить нажим, завершая иероглиф утолщением на конце, характерным для этого ключа.

Валентин Давенпорт

Плохо дающуюся ему каллиграфию Валентин продолжал долбить с усердием, только возрастаям от того, что наблюдавший за этими почти безуспешными попытками Эмиль а) нагло глумился и б) позволял себе удивляться, зачем тратить столько сил на такое бесполезное умение. Примерно в этом месте Валентин понял, что разговаривать с младшим братом о каллиграфии, пока тот не поумнеет, не имеет смысла никакого, а можно только игнорировать весь этот глупый треп.

В общем, Фельтин этим занимался часто, нового в этом ничего не было. Но это не отменяло того, что занятие по каллиграфии (не самостоятельное залипание в прописи, а нормальное, полноценное занятие) было просто жизненно необходимо. Было у Валентина смутное подозрение, что самостоятельно он далеко не вырастет. Мастер-класс ошеломил мальчика практически с порога, не откладывая в долгий ящик. Сперва Валентин умудрился позорным образом запутаться в словах - точнее, понять, что мастер имел в виду произношение черты, получилось почти сразу, но в первый миг у уже настроившегося на написание Фельтина занозой засело в мозгу, что черта "хэн" и пишется как цифра "один". Очевидно неправильная, вызывающая одни только вопросы, но почему-то вцепившаяся в мозг намертво информация.

И вот в таком состоянии таких "хэн" надо написать сто подряд. Замечательно.

Задачу самому себе Валентин изменил немедленно, уже заранее все про самого себя зная: если он будет думать "написать сто раз", от этого будет только сложнее. Появится какая-то граница, к которой можно тянуться, к которой можно начинать спешить, и это все будет великолепным поводом лепить ошибки. Сам для себя Фельтин сформулировал задачу так: "успеть написать как можно больше одинаковых хэн подряд". Вот это уже звучало более славно. В этом случае каждая удачно написанная черта отодвигала границу еще немного дальше, и этот процесс можно было растягивать в бесконечность. Никакого лимита, никакого счетчика, никакого спотыкача.

Еще бы мозг не долбило назойливое "как цифра один", и жизнь была бы абсолютно прекрасна.

Валентин сделал несколько пробных штрихов палочкой по песку, примериваясь и проверяя, есть ли здесь принципиальные отличия от того, как движутся по бумаге карандаш и кисть. Потом разгладил заштрихованное место ладонью, придавая песку прежний ровный вид, и взялся уже за само задание.

Рисую первое утолщение черты хэн, закручивая ее снизу вверх, Валентин командовал самому себе "раз". Потом протягивал черту влево и, вторым утолщением закручивая ее вверх, мысленно говорил "два". Методичное "раз-два, раз-два" как-то само собой постепенно перешло в "хэн-один, хэн-один", отчасти отразив фразу, прочно зацепившуюся за мозг мальчика в самом начале занятия. Под размеренный счет, чем-то похожий на стук метронома, работать было легче. Валентин переставал так сосредоточенно думать о том, как двигается рука, вливаясь в неторопливый счет, и рука начинала в какой-то степени двигаться сама. Нужно было только рисовать сдержанно, чтобы на концах хэн получались аккуратные утолщения, а не пузатые петли - а это была не такая уж большая проблема.

Хэн - один, хэн - один...

Сколько черт он успел нарисовать к концу занятия, Валентин не считал и понятия не имел. Знал только, что несколько раз ему приходилось разравнивать песок, потому

что рисовать было больше негде. И это, признаться, изрядно раздражало, потому что из-за этого рука сбивалась с привычного ритма, и хэн, более-менее устаканивавшиеся к концу ящика, опять начинали покрывать песок, будучи не слишком похожими друг на друга. И Фельтин медленно, постепенно делал их похожими друг на друга - а потом выяснялось, что опять надо разравнивать песок, потому что место заканчивалось. Раздражало как ничто.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Искусство каллиграфии входило в обязательные дисциплины, которые Сонгцэн изучал в клане. Он не достиг в нем каких-то необыкновенных результатов, но умел держать кисть и иногда пытался повторять работы мастеров, хотя получалось пока очень плохо. Задание мастера Ньяо было привычным упражнением. Так, например, наказывали в клане Белых Тигров за нарушение дисциплины: сиди себе и выписывай эти хэн на песке до прихода Майтрейи. Ну или пока старшие не смилуются.

Сонгцэн сел на колени перед ящиком с песком, выпрямил спину и взял палочку. Он убедился, что плечо, локоть и запястье расслаблены, что спина ровная, и плечи находились на одном уровне, и после этого дисциплинированно стал выписывать горизонтальные черты одну за другой. Поначалу нужно было приноровиться, чтобы они получались более похожими.

Для Сонгцэна весь фокус с такими упражнениями заключался в том, чтобы практиковать осознанность. Находиться в моменте здесь и сейчас. Выйти из прошлого, не цепляясь за какие-то неприятные переживания или наоборот, яркие воспоминания, и не рваться в будущее, думая о том, что быстрее бы закончились эти хэн, чтобы можно было заняться чем-то более полезным. Нужно было просто сосредоточиться на том, что вот сейчас я пишу эту хэн на песке, а сейчас пишу следующую. Не считать это сложным испытанием или тяжелым упражнением, радоваться возможности привести в порядок мысли, причесать их, что в итоге выльется в одинаковые хэн.

Сонгцэну это удавалось все лучше. Он учился тренировать эту самую осознанность даже моя полы, даже если приходилось мыть их одной тряпкой без швабры. Просто оказаться в это моменте и сосредоточиться на нем, не оценивая, учась у него, понимая, что это - еще один момент получения важного жизненного опыта. И десять хэн на песке могут научить большему, чем прочитанный трактат известного ученого, если во время чтения ты лишь считал, сколько страниц осталось до конца.

Может, у Сонгцэна и не получилось ста абсолютно одинаковых хэн подряд, но они были ровными и очень похожими. Он был доволен своей работой.

Харольд Урс

Появление Урса на этом занятии вряд ли кто-то ожидал. Где был он, а где - китайская каллиграфия. Просто в тот момент, когда Харольд проветривался неподалеку от Храма Будды, он увидел вдалеке настоятеля и попытался избежать с ним встречи, поскольку был не совсем свеж и бодр после вчерашних возлияний. И единственным подходящим вариантом оказалась комната для занятий, где Ши Ньяо учил рисовать палочки на песке.

Харолд сел в стороне и подальше от старшего мастера, чтобы не сильно привлекать к себе внимание, и сделал вид, что внимательно слушает. Все начали чего-то чертить, он тоже стал рисовать палочки слева направо, особо не вдаваясь в технические подробности. Полосочки получались разными, Урс пытался рисовать их более похожими по длине. Они еще немного прыгали то вверх, то вниз, хоть руки у Урса даже не тряслись. Его организм был настолько крепок, что пока выдерживал испытания этанолом.

В голове был не то чтобы дзен, но не зацепляться за мысли было просто: связанные мысли сами довольно быстро расплывались, и концентрироваться на них получилось бы лишь ценой немалых усилий. Харольд не отказался бы от возможности поспать час-полтора, а тут еще и каллиграфия оказалась отличным снотворным. Он почувствовал, что его начало срубать, и горизонтальные палочки заплясали совсем неприличным образом. Урс разровнял песок и начал заново. Отличная у Ши Ньяо работа: заставлять кучу людей заниматься такой фигней, зато учить их этому с умным просветленным видом. Харольд даже позавидовал, он так не умел.

С трудом отсидев все занятие, Урс убедился, что сто горизонтальных черт подряд человек без сверхспособностей не нарисует. А человек с бодуна не нарисует и десять похожих. Зато удалось избежать неприятного разговора с настоятелем, то есть какой-то толк в этой каллиграфии все же был. Но что здесь делали все остальные, да еще и с таким умным видом?

Ян Лю

Ян пришел на занятие по каллиграфии, чудом не опоздав. Этот навык никогда его не интересовал, на свете было много других способов убить время. Но недавно у него возникла идея, как неплохо заработать, не связываясь с рискованными поставками ценных и редких товаров в Европу. Все-таки за это могли посадить и не только посадить, если бы поймали. Он договорился с несколькими мастерскими, которые делали очень интересные наборы для каллиграфии, используя ценные породы дерева, драгоценные и полудрагоценные камни и даже серебро и золото. Если грамотно задрать цену и правильно позиционировать этот товар, то европейцы с толстыми кошельками были готовы приобретать такую экзотику. А для этого нужно было все красиво рассказать. Тут без базовых представлений о том, что такое каллиграфия и как держать кисть, было не выехать, а мастер-класс в монастыре еще и с Ши Ньяо - возможность на халяву узнать много полезного.

Ян сел за один из ящичков и с удивлением заметил в комнате Юншэна. Вот же прижало парня с его любовью, что он, не зная, куда деться, ударился во все тяжкие, включая каллиграфию. Еще и сидит, старается.

Перед тем, как приступать к упражнению, Ян присмотрелся к Ньяо, стараясь запомнить его манеру держать кисть, говорить, держать лицо. У него на лбу ровным кайшу было написано, что о каллиграфии он знает вообще все и еще чуть-чуть. Жаль, что он вряд ли согласится выступить перед клиентами в Англии.

К заданию Ян приступил внимательно и сосредоточенно. Его руки его хорошо

слушались, поэтому он довольно быстро понял, каким образом движется кисть при написании хэн, а после этого постарался выписывать их все более одинаковыми. Он не пытался как-то особо очистить мысли, он просто сосредоточился на технике. Мелкая моторика и никаких фокусов, сюрикены тоже летают не от правильной пустоты в голове. Ян не спешил, он работал, пытаясь добиться результата, который бы его устроил. Чтобы и со стороны казалось, что он умеет правильно держать кисть и вот это вот все, и хэн получались ровными и четкими, чтобы можно было привести их в пример очередному клиенту, мол попробуй хотя бы так. Получалось очень даже. Это Ньяо или Шэн сразу бы увидели, насколько Ян дилетант в каллиграфии. Европейцу, который о Китае знает мало и по легендам, но внезапно проникся модой к азиатской экзотике, вполне будет достаточно.

Тесса Мэй

Уроки каллиграфии это как раз то, что нужно было Тессе в последнее время как воздух. Её жизнь напоминала небольшой деревянный плот, попавший в шторм. Каждая волна несла за собой и радость, и горе, и потери, и новые встречи. Девушка ужасно устала от этого. Хотелось какого-то покоя, спокойствия, устойчивости под ногами. Очевидно, это требовала её природа мага Земли, а может и что-то иное. В любом случае, возможность поучиться каллиграфии в монастыре она приняла с радостью и воодушевлением, направляясь туда сразу после занятия на тренировочной площадке.

Несмотря на то, что родной язык Тессы был японский, а китайским она увлеклась ещё в школе и весьма неплохо его развивала, мастерству каллиграфии она никогда не училась. Даже толком кисточку для этого не держала. Поклонившись сифу Ньяо, девушка села по-турецки на циновку и уставилась на ящик с песком. То, что мастер только что показал, как выполнять задание, облегчения не принесло. Тогда Тесс обратила свой взор на других участников мастер-класса. Каждый справлялся по-своему, но при этом все сидели с прямой спиной, настолько расслабленные, что это видно издали, и держали палочки строго вертикально. Девушка взяла свою и твёрдо решила попробовать написать хотя бы два десятка этих хэн более-менее сносно. Она села прямее, расслабилась, насколько это вообще было возможно, и занесла руку над нетронутым пока песком. Когда же кончик палочки коснулся его пришли незваные гости. Мысли влетали в голову со скоростью звука. *"А вдруг не получится? Вдруг я буду хуже всех? Почему дрожит рука? Что сегодня на ужин? Скучает ли по мне бабушка? Как там моя давняя подруга?"* и далее в таком же духе. Гнать их прочь у девушки категорически не получалось. Она отвлекалась на них, из-за чего хэн выходили кривыми и абсолютно все разной длины.

- Так дело не пойдёт, - пробормотала Тесса себе под нос и выдохнула. Она отложила палочку на край ящика с песком, закрыла глаза и попыталась представить бескрайнее поле спелых колосьев пшеницы, чуть качающихся на ветру. Эта картинка обычно дарила ей умиротворение. В детстве она часто бегала в гости к своей подруге, которая жила в частном доме далеко за пределами города. Её отец как раз владел подобным полем - большим, золотисто-коричневым, полным пшеничных колосьев. От воспоминаний губы девушки тронула лёгкая улыбка. Она открыла глаза и вновь взяла палочку, стараясь удерживать в голове этот образ свободы и спокойствия, подаренного ей полем. Тесса прикоснулась палочкой к песку. Чуть вниз и влево. Затем вправо и немного вверх. И снова вниз и влево.

Первая хэн порадовала своей относительной ровностью, однако росчерк вправо был слишком длинным. Тесс попробовала ещё раз. И снова. Вскоре перед ней на песке красовалось около двадцати немного кривоватых хэн. Девушка обратила внимание, что наиболее ровные получались именно тогда, когда она совершенно не думала о том, что делала её рука.

Было решено попробовать ещё разок. Тесса разровняла песок и принялась заново чертить пока с трудом поддающиеся палочки. Вниз-влево-вправо-вверх-вниз-влево. Эта комбинация посторялась снова и снова. Когда Тесс вывела сорок шестую хэн (если, конечно, она до этого не сбилась со счёта) солнце за окном уже заметно опустилось к горизонту, отбрасывая в боковое помещение храма длинные тени. И пускай особой усталости это упражнение не давало, девушка чувствовала, что её телу необходимо более активное движение. Ещё раз посмотрев на свои последние хэн, Тесса решила, что для первого раза вышло очень даже ничего. Она разровняла песок, встала и, поклонившись сифу Няю, вышла, нисколько не жалея об отданном на каллиграфию времени. Тесс даже рассматривала идею о том, чтобы повышать свой навык в красивом письме и дальше.

Розмари Лайонс

Выпавший на очень короткий промежуток времени шквал мастер-классов, к огромному сожалению Розмари, никак британку не затронул. Из боевых искусств в этом шквале была представлена только катана, к которой Розмари отнеслась с легким недоверием и решила, что к такому мечу не следует пытаться пристроить руки просто потому, что их больше некуда деть. Что следует сперва морально дозреть до этого искусства. Британка же пока была явно не дозревшей, поэтому соваться не стала. Еще хуже дела обстояли с магией – из магии Розмари потихоньку изучала один только телекинез, который в поток мастер-классов вообще не попал, что британку сильно огорчило. Она бы с удовольствием потренировалась еще поднимать камни под бдительным присмотром мастера, но чего нет, того нет.

Было бы очень обидно так ни на какой из мастер-классов и не попасть, потому что тебя со всех сторон поджали так, что никуда и не ткнешься. Розмари еще раз внимательно перечитала все объявления, поразмыслила и решила остановить свой выбор на каллиграфии. Легенды гласят, она прочищает мозги и дарует душевное равновесие. Это, в принципе, вещь для бойца полезная, почему нет.

Задание, которое не фонтанировало искрометным разнообразием – начертить сто одинаковых линий и никакого тебе творческого процесса – британку не испугало и не озадачило, а вошло в ней мозг как отличная, конкретная инструкция к действию. Правда, подойти творчески и наклепать ошибок все равно было где. Сперва Розмари подумала, что если она будет внимательно контролировать и стараться в точности раз за разом повторять движения своей руки, то это решит вопрос – но, оказалось, ничего подобного. Там, где рука обретала жесткость, немедленно утрачивалась каллиграфия, и линии теряли сходство с иероглифами, начиная походить на куски угловатых графиков.

Понимая, что она, по сути, потеряла десять минут и теперь начинает с самого начала, Розмари несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, а потом потрясла рукой над ящиком с песком, стараясь расслабить ее и сделать мягкой, но

одновременно – не как будто лишенной мышц и костей. Мягкость без бесхребетности. Когда британке показалось, что рука обрела нужное, правильное состояние, Розмари в последний раз глубоко вдохнула-выдохнула и снова начала писать.

В размеренном повторении одинаковых черт – сперва вниз и влево, потом протянуть ровную черту вправо, качнуть вверх и закончить опять аккуратным движением вниз и влево – Розмари совершенно растворялась, становясь почти убаюканной своими же мягкими, неторопливыми движениями. Чем больше движений, тем более привычными руке они становятся, и тем более похожими друг на друга получались хэн. Правда, к концу занятия их, таких более-менее одинаковых и идущих подряд, получилось явно меньше сотни, но Розмари считала, что никто не запрещает ей как-нибудь прийти и повторить. Британка находила это упражнение по-своему приятным. Это совершенно точно стоило как-нибудь позже повторить, как и стоило учить каллиграфию ради подобных спокойных, размеренно текущих минут.

Аделина Рутцен

Аделина в каллиграфии разбирается неплохо, это даже тот редкий случай, когда девушка готова сказать про саму себя – очень неплохо разбирается. А потому задачу, загаданную на мастер-классе, Рутцен считает для себя скорее небольшим экзаменом, чем действительно сложным испытанием.

Я-справлюсь. Всего-сто-хэн. Я-почти-такое-делала. Это-не-трудно.

Аделина садится поудобнее, чтобы ничего не начало болеть или затекать в самый неподходящий момент, выпрямляет спину, расправляет плечи, делает глубокий вдох и выдох, настраиваясь на правильное дыхание, а потом подносит к песку деревянную палочку в мягкой, гибкой руке и начинает неторопливо, размеренно писать. Хэн – кажется, чуть ли не самая простая черта, что есть в каллиграфии. С неё все начинают, она во многие иероглифы входит и она, кажется, выучена Аделиной так хорошо и уверенно, что линии стекают с мягкой и гибкой руки одна за другой почти сами собой. Рутцен о них не слишком-то думает, и уж точно не зажимается, не беспокоится о том, какое движение ставить после какого. Аделина расслабленно считает уже нарисованные линии, как будто падающие на песок дождевые капли: одна, и одна, а вот и ещё одна, а вместе их уже много. Немка насчитывает сто, потом начинает считать сначала – она и не уверена, что все сто хэн были идеально одинаковыми, и просто прерываться ей не хочется.

Рутцен способна так просидеть над песком довольно долго, и останавливает её только конец мастер-класса. Аделина с лёгким сожалением рисует на песке точку, кладет деревянную палочку обратно в ящик и кланяется мастеру Ньяо на прощание перед тем, как покинуть комнату. Девушка считает, что этот экзамен она выдерживает. Хотя бы в своих собственных глазах.

Ши Ньяо

Старший мастер был искренне удивлен такому наплыву желающих узнать больше о каллиграфии. Он наблюдал за тем, как работали мастера и ученики. Кто-то явно не впервые выполнял упражнение со множеством одинаковых хэн, а кто-то только начинал изучать искусство каллиграфии, сделав тот самый первый шаг, с которого начинался путь в тысячу ли. Ньяо считал каллиграфию очень полезным и важным искусством. Она позволяла навести порядок в голове, причесать мысли и упорядочить поток сознания, чтобы приблизиться к тому, чтобы осознать

иллюзорность сущего.

Сам Ньяо мог долгими часами писать и переписывать тексты или рисовать. Ему нравилось это медитативное и созерцательное занятие, дававшее силы для новых размышлений и поисков истины.

- Занятие завершено, вы можете быть свободны, - объявил старший мастер. - Я надеюсь, оно было для вас полезным.

Мастер-класс завершен.
